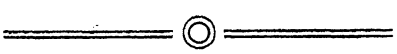
А. М. Щербина,
прив.-доц. Московскаго Университета.

МЕТОДОЛОГІЯ ЭТИКИ.



Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1914.

Пров 39

Пр.

30
37

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3776
24

Методологія этики [1]).

Этика есть наука, «въ которой человѣкъ дѣйствительно нуждается» [2]), такъ какъ она учитъ, «что̀ нужно дѣлать, чтобы жить хорошею жизнью»—вотъ взгляды, выражающіе глубочайшія убѣжденія великаго философа-мыслителя Канта и великаго философа-художника Толстого; и противъ подобныхъ взглядовъ по существу едва ли кто рѣшится серіозно возражать. Но если согласиться съ ними, то, казалось бы, этикѣ должно принадлежать почетное мѣсто въ системѣ образованія, и ей по праву должны уступить первенство всѣ прочія науки. И съ личной, и съ общественной точки зрѣнія для человѣка неизмѣримо важнѣе уяснить свое назначеніе, нежели развивать отдѣльныя стороны своего духа. «Какую пользу принесетъ мнѣ умѣнье дѣлить землю на участки», которому учитъ геометрія, когда у меня нѣтъ основныхъ нравственныхъ устоевъ, «когда я не умѣю подѣлиться съ братомъ?» задаетъ вопросъ философъ Сенека [3]) болѣе 18 вѣковъ назадъ, и этотъ вопросъ по настоящее время сохраняетъ полную силу.

Если исключить религіозныя системы воспитанія, которыя всегда носятъ рѣзко конфессіональный характеръ и потому не могутъ быть примѣняемы въ общеобразовательныхъ школахъ культур-

[1]) Статья съ нѣкоторыми сокращеніями прочитана въ качествѣ реферата въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 19 октября 1913 года.

[2]) Im. Kant. Briefe, Erklärungen. Fragmente aus seinem Nachlasse. Hrsg. v. Schubert. Lpz. 1842, p. 241.

[3]) L. Annaei Senecae ad Lucilium epistolarum moralium quae supersunt ed. Otto Henze. Lipsiae. MDCCCXCVIII. Ep. 88, pag. 350. Все это письмо представляетъ значительный интересъ, рѣзко осуждая господствовавшую въ то время систему образованія, при которой оставалось безъ вниманія то, что наиболѣе цѣнно для человѣка.

ныхъ государствъ, признающихъ въ принципѣ полную вѣротерпимость, уясненіе этическихъ вопросовъ никогда не играло въ образованіи сколько-нибудь замѣтной роли, и этика въ качествѣ учебнаго предмета никогда не могла конкурировать съ такими предметами какъ ариѳметика, геометрія, древніе и новые языки и т. п. [1]). Отчего это происходитъ?

Серіозно задумывался надъ этимъ вопросомъ уже Платонъ. Исходя изъ того факта, что у добродѣтельныхъ родителей бываютъ порочныя дѣти, что нѣтъ ни учителей, ни учениковъ добродѣтели, такъ какъ тѣ люди, которые исключительно выдаютъ себя за учителей добродѣтели, т.-е. софисты, вовсе не въ состояніи оправдать даваемыхъ ими обѣщаній, Платонъ склоняется къ выводу, что добродѣтели обучать нельзя, потому что она вовсе не изучима, не доступна познанію [2]). Великій философъ не можетъ успокоиться на такомъ скептическомъ выводѣ. Въ своихъ діалогахъ онъ постоянно останавливается на обсужденіи этическихъ вопросовъ: пытается приблизиться къ постиженію высшаго блага, уяснить сущность и виды добродѣтели, выработать идеальныя формы человѣческаго общежитія и т. п. Тѣмъ самымъ Платонъ показываетъ, что, по его глубокому убѣжденію, познаніе въ этой области, по крайней мѣрѣ принципіально, вовсе не исключается.

Такое же убѣжденіе побудило Аристотеля создать этику какъ особую философскую дисциплину. Вообще мы не можемъ упрекнуть духовныхъ вождей человѣчества въ томъ, что они мало интересовались этическими проблемами. Величайшіе мыслители, какъ Сократъ, Платонъ, Спиноза, Кантъ и многіе другіе посвятили рѣшенію этихъ проблемъ значительную часть своей творческой энергіи. Цѣлыя философскія школы, проявившія исключительную жизнеспособность, стоическая и эпикурейская, разрабатывали *этику*, какъ основную дисциплину, приписывая логикѣ и физикѣ лишь служебное, подчиненное значеніе.

Въ результатѣ болѣе чѣмъ 2000-лѣтней работы было высказано немало возвышенныхъ взглядовъ, горячихъ пожеланій, цѣн-

---

[1]) Послѣ полной секуляризаціи государственнаго образованія во Франціи преподаваніе морали сдѣлано обязательнымъ даже въ низшей школѣ. Но эта мѣра, повидимому, не имѣла особенно благопріятныхъ результатовъ и пока подражаній не вызываетъ.

[2]) Plato, Meno, p. 93 sq.

ныхъ и остроумныхъ соображеній; но они теряются въ массѣ разнороднаго матеріала, не приведеннаго къ строгому единству; а главное, по настоящее время не удалось выдѣлить хотя бы небольшую область, которой можно было бы приписать характеръ строгой, научной объективности.

Уже издавна много разъ въ различныхъ отдѣлахъ философіи и науки отмѣчали существенные недочеты: фактически существующая наука далеко не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, какія предъявляются ей въ идеалѣ; даже въ математикѣ немало принципіально важныхъ вопросовъ нуждаются въ дальнѣйшей разработкѣ [1]).

Идеалъ на землѣ въ полной мѣрѣ неосуществимъ; но существуютъ различныя степени приближенія къ нему, и едва ли возможно указать какую-либо другую дисциплину, которая находилась бы въ столь же плачевномъ состояніи, какъ этика, и въ которой примѣненіе научнаго метода оказалось бы столь мало успѣшнымъ. Въ этикѣ нѣтъ ни одного общепризнаннаго положенія, получившаго строго научную формулировку; о примѣненіи же общихъ положеній къ конкретнымъ случаямъ и говорить нечего.

Этимъ я вовсе не утверждаю, что въ человѣческихъ сужденіяхъ о добрѣ и злѣ нѣтъ никакихъ устойчивыхъ элементовъ. Жизнеспособная часть человѣчества глубоко вѣритъ въ ихъ существованіе; отрицаніе ихъ отдѣльными мыслителями неизбѣжно запутывалось въ безысходныхъ противорѣчіяхъ, такъ какъ такого рода скептики сами не могли обойтись безъ оцѣнки, претендующей на общеобязательное значеніе. Но если несомнѣнно, что устойчивые элементы нравственныхъ сужденій существуютъ и живо чувствуются тѣми, кто произноситъ нравственную оцѣнку своихъ и чужихъ поступковъ, то столь же несомнѣнно и то, что выдѣлить эти элементы и дать имъ общепризнанную строго

---

[1]) Ср. увлекательно написанную статью прив.-доц. *В. Кагана* „Современная постановка задачи объ основаніи геометріи“ (Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики, 1908, №№ 457, 458 и 459, и отдѣльно—„Задача обоснованія геометріи“, Одесса, 1908), гдѣ съ полной убѣдительностью доказывается, что такъ называемая Эвклидова геометрія, отчеканившаяся болѣе 2000 лѣтъ назадъ въ стройную систему и всегда признававшаяся твердымъ оплотомъ раціонализма, съ точки зрѣнія строгой научности имѣетъ существенные пробѣлы.

объективную, научную формулировку до сихъ поръ никому не удавалось. Это должны прямо и открыто признать тѣ, кто стремится къ мудрости. Нужно вырвать подушку у лѣниваго разсудка и не убаюкивать себя мыслью, что важнѣйшіе вопросы жизни и дѣятельности гдѣ-то и кѣмъ-то рѣшены.

Было бы слишкомъ долго останавливаться на перечисленіи противорѣчивыхъ утвержденій по важнѣйшимъ вопросамъ этики, высказанныхъ выдающимися мыслителями; да это едва ли и цѣлесообразно. Но чтобы не быть голословнымъ, я приведу взгляды,—повидимому, совершенно исключающіе другъ друга и принадлежащіе мыслителямъ, пользующимся въ кругахъ, интересующихся философскими проблемами, заслуженной извѣстностью,—по вопросу, имѣющему для созиданія научной этики первостепенную важность, именно по вопросу о *методѣ*, которымъ можетъ и должна разрабатываться эта дисциплина.

Взгляды Канта, Вундта и Паульсена на методологію этики.

Обыкновенно признаютъ два основныхъ метода научнаго познанія: умозрительный, или дедуктивный, называемый иногда геометрическимъ, такъ какъ онъ получилъ наиболѣе совершенное примѣненіе въ математикѣ (и въ частности въ геометріи) и эмпирическій, или индуктивный, которымъ съ большимъ успѣхомъ пользуется естествознаніе. Первый методъ исходитъ изъ основныхъ положеній, или принциповъ, и отсюда выводитъ истинность болѣе частныхъ положеній; второй методъ, т.-е. эмпирическій, пользуется наблюденіемъ частныхъ фактовъ для обоснованія положеній.

Мы не будемъ останавливаться на соотношеніи между индукціей и дедукціей и на томъ, какой изъ этихъ методовъ долженъ быть признанъ болѣе первоначальнымъ; равнымъ образомъ мы оставимъ пока безъ разсмотрѣнія вопросъ: достаточны ли два указанные только что метода сами по себѣ для созиданія науки, и не нуждается ли послѣдняя—на чемъ настаиваетъ интуитивизмъ—въ непосредственномъ усмотрѣніи нѣкоторыхъ истинъ, которыя ни индукціей, ни дедукціей обоснованы быть не могутъ. Все это вопросы чрезвычайно важные, но далеко еще не разрѣшенные даже по отношенію къ болѣе разработаннымъ дисциплинамъ; между тѣмъ, чтобы составить ясное понятіе о сравнитель-

номъ положеніи этики въ ряду другихъ наукъ, цѣлесообразнѣе исходить изъ воззрѣній, получившихъ уже болѣе или менѣе опредѣленную формулировку и широкое признаніе. Поэтому для выясненія, къ какимъ результатамъ пришла философская мысль по вопросу о томъ, откуда должна исходить этика при разрѣшеніи интересующихъ ея проблемъ—изъ общихъ принциповъ или изъ частныхъ наблюденій—мы не будемъ разбирать мнѣній Спинозы, полагавшаго, что не только этика, но и всякая истинная наука должна быть доказана геометрическимъ способомъ (ordine geometrico); также не будемъ касаться воззрѣній Дж. Ст. Милля, который думаетъ, что и положенія геометріи въ концѣ-концовъ почерпаются изъ опыта: подобныя утвержденія относятся къ компетенціи научной методологіи *вообще* и потому должны быть разсматриваемы скорѣе въ логикѣ, нежели въ этикѣ.

Мы остановимся на воззрѣніяхъ Канта, Вундта и Паульсена, которые, признавая вообще необходимость въ наукѣ опыта и умозрѣнія, съ достаточной опредѣленностью высказываются по вопросу о методологіи этики, являясь выразителями существующихъ здѣсь характерныхъ теченій мысли.

Кантъ твердо держится того мнѣнія, что научная этика можетъ пользоваться лишь умозрительнымъ методомъ прежде всего потому, что ея сужденія должны отличаться безусловной всеобщностью и необходимостью, т.-е. такими свойствами, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть заимствованы изъ опыта. «Моральный законъ», говоритъ Кантъ [1]), «только потому мыслится какъ объективно необходимый, что онъ долженъ имѣть значеніе для каждаго, кто обладаетъ разумомъ и волею, независимо отъ того, какія переживанія и наблюденія выпали на его долю. Уже практика языка отличаетъ пріятное, какъ нѣчто субъективное и измѣнчивое, отъ добраго и непріятное отъ злого и «требуетъ, чтобы добро и зло всегда обсуждались посредствомъ разума, значитъ при помощи понятій, которыми можно дѣлиться со всѣми» [2]). Такимъ образомъ «моральный законъ дается въ качествѣ какъ бы факта чистаго разума, который мы знаемъ a priori и который аподиктически достовѣренъ, если даже допустить, что въ опытѣ нельзя указать ни одного примѣра, гдѣ бы ему

[1]) *Kant.* Kritik der praktischen Vernunft. Herausgegeben v. Kirchmann, p. 43.
[2]) Ibid. 70.

точно слѣдовали» [1]). И всякая примѣсь эмпирическихъ элементовъ уничтожаетъ цѣнность нравственнаго сужденія совершенно такъ же, какъ эмпирическая примѣсь къ геометрическимъ доказательствамъ уничтожаетъ ихъ математическую достовѣрность [2]). Мало того, эмпиризмъ [3]), пріучающій принимать во вниманіе то, что *существуетъ*, а не то, что *должно* существовать, съ корнемъ уничтожаетъ нравственность настроенія.

Наконецъ нравственная оцѣнка требуетъ реальности такихъ понятій, которыя въ опытѣ не могутъ имѣть мѣста. Мы можемъ признать нравственно цѣннымъ лишь *свободный* поступокъ. Безъ свободы нѣтъ нравственности; и Кантъ называетъ свободу ratio essendi, основаніемъ существованія нравственнаго закона [4]). Между тѣмъ въ области опыта все безъ изъятія подчинено закону причинности, и о свободѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Поэтому Кантъ считаетъ себя въ правѣ утверждать, что понятіе свободы есть камень преткновенія для всѣхъ эмпиристовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ возвышеннѣйшимъ основоположеніямъ для критическихъ моралистовъ.

Я не имѣлъ въ виду выяснять существенныя особенности созданнаго Кантомъ трансцендентальнаго метода. Для цѣлей настоящей статьи важно лишь подчеркнуть, что Кантъ не допускаетъ возможности при построеніи этики пользоваться опытными данными.

Совершенно иной взглядъ на методологію этики высказываетъ очень извѣстный въ наше время психологъ и философъ Вильгельмъ *Вундтъ*, объемистый трудъ котораго по этикѣ недавно вышелъ 4-мъ изданіемъ. Какъ бы въ противовѣсъ Канту, Вундтъ рѣшительно заявляетъ, что «ни въ какой иной области не очевидны такъ невыгодныя стороны (Nachteil) умозрительнаго метода, какъ именно въ этикѣ, благодаря громадному богатству эмпирическихъ фактовъ, находящихся въ ея распоряженіи» [5]). Но одного эмпирическаго метода для построенія этики не достаточно: даже если бы всѣ факты, характеризующіе нравственную

---

[1]) Ibid. 56.

[2]) Ibid. 112.

[3]) Ibid. 85—86.

[4]) *Kant*. Krit. d. prakt. V., Vorrede, p. 2, Anm.

[5]) *W. Wundt*. Ethik. Eine Untersuchung der Tatsachen und Gesetze des sittlichen Lebens. 3 Bde. 4 Aufl. Stuttgart. 1912. I B. p. 12.

жизнь, были приняты во вниманіе во всей подробности, «то и тогда не была бы рѣшена научная задача этики, такъ какъ задача эта состоитъ въ установленіи общихъ прициповъ, изъ которыхъ вытекаютъ нравственные факты» [1]). По мнѣнію Вундта, «этика не есть ни чисто умозрительная, ни чисто эмпирическая наука; а какъ и всякая общая наука,—одновременно и эмпирическая и умозрительная. Но, согласно съ естественнымъ ходомъ разумнаго разсмотрѣнія предметовъ, и здѣсь эмпирическій способъ изслѣдованія долженъ предшествовать умозрѣнію; онъ долженъ дать послѣднему матеріалъ, изъ котораго умозрѣніе построитъ зданіе науки» [2]). Попытка построить этику, не опираясь на опытныя данныя, представляется Вундту совершенно несостоятельной. «Отъ власти опыта», говоритъ онъ [3]), «никто не можетъ освободиться. Тотъ, кто хочетъ избѣгнуть его на прямомъ пути, все равно не уйдетъ отъ него на извилистомъ пути, но только вмѣсто того, чтобы принимать во вниманіе по возможности равномѣрно всѣ части (своего пути), онъ выхватываетъ какой-нибудь отдѣльный фактъ, который по тѣмъ или инымъ причинамъ лежитъ въ полѣ его зрѣнія».

Еще съ большей рѣшительностью, чѣмъ Вундтъ, выдвигаетъ значеніе опыта при построеніи этики недавно скончавшійся берлинскій профессоръ Фридрихъ *Паульсенъ*, воззрѣнія котораго на первый взглядъ подкупаютъ своей убѣдительностью. О степени ихъ распространенности можно судить хотя бы потому, что двухтомное сочиненіе по этикѣ Паульсена вышло 8-мъ изданіемъ [4]).

Прежде всего Паульсенъ указываетъ на необходимость «вообще различать два вида научныхъ дисциплинъ: теоретическія и практическія, теорію и прикладныя знанія, собственно науки и ученія объ искусствахъ. Цѣль первыхъ—познаніе, цѣль послѣднихъ—преобразованіе вещей при помощи дѣятельности человѣка: практическія науки указываютъ, какъ измѣнить вещи

---

[1]) Ibid. 14.

[2]) Ibid. 15.

[3]) Ibid. 12.

[4]) Свои этическіе взгляды Паульсенъ выражаетъ также во Введеніи въ философію, которое вышло 23-мъ изданіемъ и въ русскомъ переводѣ готовится 4-е изданіе, а равно въ извѣстномъ коллективномъ трудѣ Systematische Philosophie von Dilthey, Riehl, Wundt etc. (Die Kultur der Gegenwart Teil I, Abt. 6), выдержавшемъ 2 изданія и уже переведенномъ на русскій языкъ.

примѣнительно къ нашимъ цѣлямъ» [1]). Этика, по мнѣнію Паульсена, и принадлежитъ къ практическимъ дисциплинамъ: «она научаетъ, какимъ образомъ устроить человѣческую жизнь сообразно съ ея цѣлью и назначеніемъ». «Всѣ практическія дисциплины опираются на теоретическія: онѣ представляютъ изъ себя не что иное, какъ приложеніе теоретическихъ знаній къ рѣшенію практическихъ задачъ. Теоретическими науками, по отношенію къ которымъ этика занимаетъ подобное положеніе, являются науки о человѣкѣ: антропологія и психологія.

Поэтому можно сказать: какъ медицина относится къ физической антропологіи, такъ этика—къ антропологіи вообще» [2]). Если этика основываетъ свои выводы на антропологіи, то и методъ, которымъ она пользуется, долженъ быть ближе къ антропологіи, т.-е. къ естествознанію. «Мнѣ кажется», говоритъ Паульсенъ, [3]) «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по своему методу этика стоитъ ближе къ естествознанію, нежели къ математикѣ». Чтобы создать практическое правило, нужно найти средство для осуществленія извѣстной цѣли, значитъ нужно знать, какими явленіями эта цѣль достигается. Это знаніе мы можемъ заимствовать изъ изученія причинной связи между явленіями. Паульсенъ ссылается на формулу Бэкона: quod in contemplatione instar causae, id in operatione instar regulae (что въ теоріи имѣетъ значеніе причиной связи, то въ дѣятельности является правиломъ). Такимъ образомъ законъ причинной связи обращается въ практическое правило поведенія.

Совершенно ясно, что причинная связь между явленіями можетъ быть установлена лишь при помощи опыта; и потому какъ въ медицинѣ, такъ и въ этикѣ опытъ играетъ первенствующую роль. «Опытъ доказываетъ», говорилъ Паульсенъ [4]), «какъ то, что чистоплотность, движеніе и свѣжій воздухъ служатъ средствами поддержанія здоровья, такъ и то, что разсудительное и

---

[1]) Paulsen, System der Ethik, 5 Aufl. Berl 1910, p. 1.

[2]) Ibid. p. 1. Указаніе Паульсена, что медицина основываетъ свои выводы на физической антропологіи и что въ этомъ ея отличіе отъ этики, едва ли можетъ быть признано правильнымъ: вѣдь психіатрія должна принимать во вниманіе душевныя переживанія, и все таки она не можетъ быть исключена изъ медицины.

[3]) Paulsen. System der Ethik, p. 5.

[4]) Ibid. 6...

обдуманное поведеніе, правильная семейная жизнь способствуютъ сохраненію жизни, а лѣность, развратъ, безчестность, злость обладаютъ тенденціей дѣлать жизнь несчастною и разрушать ее».

Мы изложили взгляды на методологію этики Канта, Вундта и Паульсена. Потребовалось бы детальное изслѣдованіе ихъ сочиненій, чтобы съ полной опредѣленностью установить, насколько названные мыслители въ своей работѣ слѣдовали своимъ собственнымъ методологическимъ предначертаніямъ. Само по себѣ подобное изслѣдованіе могло бы представить значительный интересъ. Но для нашей настоящей цѣли, для выясненія того, къ какимъ точно формулированнымъ рѣшеніямъ пришла философская мысль по интересующему насъ вопросу, достаточно указать, что Кантъ считаетъ допустимымъ въ научной этикѣ лишь умозрительный методъ, по мнѣнію Вундта умозрѣніе и опытъ должны имѣть въ ней приблизительно одинаковое значеніе, а Паульсенъ выдвигаетъ на первый планъ опытное изученіе условій человѣческой жизни—для него этика «стоитъ ближе къ естествознанію, неужели къ математикѣ».

Наличность противорѣчія между широко признанными авторитетами по принципіально важному вопросу, безъ рѣшенія котораго научная этика едва ли можетъ успѣшно развиваться, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Его нельзя считать чѣмъ-то временнымъ и случайнымъ; очевидно, оно коренится въ нѣдрахъ философской мысли: зародыши его легко прослѣдить еще въ древности. Софисты, какъ извѣстно, настойчиво отмѣчали измѣнчивость моральныхъ взглядовъ, ссылаясь на *эмпирическіе* факты, доступные провѣркѣ; Платонъ и стоики съ большей или меньшей опредѣленностью выдвигали необходимость *безотносительной*, идеальной нравственной оцѣнки. Это противорѣчіе должно было обнаружиться гораздо ярче въ новой философіи, когда преимущественное вниманіе было обращено на вопросы теоріи познанія и методологіи. Здѣсь поразительно не столько само противорѣчіе, сколько признаніе его чѣмъ-то естественнымъ и нормальнымъ, отсутствіе попытокъ къ его устраненію.

Само собой разумѣется, философская мысль не можетъ остановиться на противорѣчивыхъ утвержденіяхъ, какими бы авторитетами они ни защищались. Разъ противорѣчіе сознано, необходимо сдѣлать попытки къ его устраненію. И въ данномъ слу-

чаѣ мы обязаны выяснить: откуда проистекаетъ бросающееся въ глаза разногласіе, отмѣченное нами выше? Не относятся ли эти, повидимому, исключающія другъ друга утвержденія Канта, Вундта и Паульсена къ различнымъ въ сущности дисциплинамъ, которыя лишь выступаютъ подъ общимъ наименованіемъ этики? Вѣдь нерѣдко разногласія и споры происходятъ вслѣдствіе того, что одинъ и тотъ же терминъ употребляется для обозначенія далеко не сходныхъ понятій. Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, необходимо дать себѣ отчетъ, какія собственно задачи ставитъ себѣ этика для разрѣшенія, или другими словами, уяснить идею этой научной дисциплины.

Три основныя задачи этики и методы ихъ рѣшенія.

При изученіи нравственной жизни необходимо различать 4 объекта (различеніе это чрезвычайно важно, хотя обыкновенно оно и не подчеркивается съ достаточной опредѣленностью): 1) нравственные идеалы и основные критеріи оцѣнки, которые, какъ мы убѣждены, не осуществляются вполнѣ въ окружающей насъ дѣйствительности, но съ помощью которыхъ оцѣнивается поведеніе свободно-разумныхъ существъ; 2) факты моральной жизни, въ которыхъ хотя до нѣкоторой степени осуществляются нравственные идеалы, или которые являются отрицаніемъ этихъ идеаловъ; 3) законы, которыми регулируется моральная жизнь [1]);

[1]) Терминъ регулируется слѣдуетъ признать въ данномъ случаѣ не совсѣмъ удачнымъ; но я счелъ возможнымъ воспользоваться однимъ изъ общеупотребительныхъ способовъ выраженія и попытаюсь настоящимъ примѣчаніемъ устранить могущія возникнуть недоразумѣнія (чтобы выразить ту же мысль точнѣе, пришлось бы употребить слишкомъ тяжеловѣсные обороты). Когда въ наукѣ, напр., въ естествознаніи, говорятъ: природа управляется или регулируется законами, или природа подчинена законамъ, употребляютъ лишь образное выраженіе: объ управленіи, господствѣ и подчиненіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи (законъ не есть нѣчто внѣшнее для явленій). Основная мысль сводится къ тому, что существуютъ неизмѣнныя отношенія между явленіями, которыя могутъ быть выражены строго опредѣленными формулами.

Терминъ „законъ“ перешелъ въ науку изъ обихода государственной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ перешли и нѣкоторые способы выраженія, неизбѣжно вызывающіе неподходящія ассоціаціи; но происходящія отсюда недоразумѣнія въ болѣе точныхъ наукахъ, напр., въ естествознаніи устраняются сравнительно легко. Иное дѣло въ этикѣ: изучая нравственную сторону жизни от-

наконецъ, 4) правила, которыя указываютъ, какъ хотя до нѣкоторой степени осуществить наши нравственные идеалы въ окружающей насъ дѣйствительности.

Нравственные идеалы и основные критеріи оцѣнки не могутъ быть заимствованы изъ опыта, въ этомъ отношеніи они напоминаютъ понятія и принципы, съ которыми имѣетъ дѣло математика и въ частности геометрія. Какъ понятіе совершеннаго круга и тѣ законы, которыми выражается соотношеніе его частей и съ которыми имѣетъ дѣло геометрія, не могутъ быть заимствованы изъ опыта уже по той простой причинѣ, что математически правильный кругъ не существуетъ въ опытѣ и даже не можетъ быть изготовленъ искусствомъ человѣка,—то же самое слѣдуетъ сказать и о нравственныхъ идеалахъ.

Такимъ образомъ мы намѣчаемъ идею науки, которая ставитъ своей цѣлью выразить въ строго опредѣленныхъ формулахъ нравственные идеалы и критеріи оцѣнки, установить соотношеніе между ними, сдѣлать всѣ вытекающіе изъ нихъ выводы, а также отмѣтить предпосылки, безъ признанія которыхъ моральная оцѣнка лишена всякаго смысла. Какъ примѣръ такой предпосылки укажемъ хотя бы на необходимость признать, что субъектъ, поступки котораго мы нравственно одобряемъ или осужда-

---

дѣльныхъ индивидуумовъ, цѣлыхъ народовъ или всего человѣчества, можно интересоваться установленіемъ неизмѣнныхъ отношеній между нѣкоторыми предыдущими и нѣкоторыми послѣдующими; это и будутъ законы, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ наука (наибольшей опредѣленности это пониманіе достигло, разумѣется, въ естествознаніи), и ихъ необходимо строго отличать отъ нормъ, т.-е. правилъ и принциповъ оцѣнки, имѣющихъ въ виду извѣстные идеалы и во имя этихъ идеаловъ стремящихся къ господству надъ существующимъ. Къ сожаленію. принципіально важное различіе между законами, какъ ихъ понимаетъ наука, и нормами легко затушевывается, благодаря указаннымъ выше метафорическимъ способамъ выраженія, что мы наблюдаемъ, напр., у Вундта (ср. цитированное выше соч.. р. 1sq.). Происходитъ безпрепятственный переходъ изъ области существующаго въ область должнаго, идеальнаго, т.-е. не что иное, какъ μετάβασις εἰς ἄλλο γένος. Такой результатъ едва ли можно считать содѣйствующимъ отчетливости и раздѣльности научныхъ познаній. Здѣсь ярко обнаруживается неблагопріятное вліяніе на мысль неудачной терминологіи.

Въ настоящей статьѣ мы будемъ употреблять терминъ „законъ“ исключительно въ томъ смыслѣ, какъ онъ употребляется въ болѣе точныхъ наукахъ, т.-е. какъ неизмѣнное соотщеніе между предыдущимъ и послѣдующимъ

емъ, является не только частью природы, подчиненной ея неизмѣннымъ законамъ, но способенъ самъ по собственной иниціативѣ опредѣлять свое поведеніе. Скала, низринувшаяся съ вершины горы, можетъ причинить громадныя несчастія, мы можемъ сокрушаться о понесенныхъ страданіяхъ, но нравственно осуждать скалу было бы безсмысленно. Если иной разъ произносятъ нравственный судъ надъ силами природы, то при этомъ олицетворяютъ ихъ, приписываютъ имъ разумъ и свободу: способность сознавать и предвидѣть совершаемыя дѣйствія и регулировать ихъ по собственному усмотрѣнію.

Научную дисциплину, которую мы только что выяснили въ идеѣ, условимся называть *этикой въ тѣсномъ значеніи слова* или *этикой въ тѣсномъ смыслѣ*, чтобы устойчивымъ терминомъ закрѣпить эту идею. Этика въ тѣсномъ смыслѣ говоритъ исключительно о томъ, что̀ *должно* быть, а не о томъ, что̀ *существуетъ* въ пространствѣ и во времени и могло бы быть изучено при помощи опыта. Подобно математикѣ, она является строго умозрительной наукой, если, разумѣется, къ ней не примѣшивать какихъ-либо постороннихъ вопросовъ, какъ напр., о возникновеніи и развитіи нравственныхъ принциповъ и т. п. Но въ цѣляхъ большей отчетливости нашихъ сужденій удобнѣе выдѣлить эти вопросы и, прежде чѣмъ говорить о возникновеніи и развитіи извѣстныхъ понятій и принциповъ, точно выяснить ихъ значеніе и объемъ ихъ примѣненія.

Противъ признанія этики чисто умозрительной наукой нерѣдко возражаютъ, что нравственные идеалы и критеріи оцѣнки не могутъ быть обособлены отъ эмпирическаго матеріала: они проявляются всегда въ эмпирическомъ сознаніи и въ своемъ развитіи регулируются законами, которымъ подчинено это сознаніе. Но это возраженіе доказываетъ слишкомъ много, а слѣдовательно ничего не доказываетъ: оно относится въ равной мѣрѣ и къ геометріи. Понятіе круга, напр., *психологически* нельзя отдѣлить отъ эмпирическихъ элементовъ: онъ всегда обладаетъ въ нашемъ представленіи извѣстной величиной, даже извѣстной окраской— мы представляемъ себѣ либо бѣлый кругъ, начерченный на черной доскѣ, либо черный кругъ, изображенный на бѣломъ листѣ бумаги. Но геометрія оставляетъ совершенно безъ вниманія эти случайные для нея элементы и въ разсужденіяхъ разсматриваетъ исключительно существенные признаки: для нея кругъ лишь

плоскость, ограниченная замкнутою кривою, всѣ точки которой находятся на равномъ разстояніи отъ центра,—и ничего болѣе. Приблизительно то же имѣетъ мѣсто и относительно нравственныхъ критеріевъ: они всегда высказываются *по поводу* эмпирическихъ фактовъ, но никоимъ образомъ они не могутъ быть *обоснованы* при помощи эмпирическихъ фактовъ.

Этика въ тѣсномъ значеніи слова, какъ мы ее понимаемъ, пользуется умозрительнымъ методомъ и въ этомъ отношеніи она имѣетъ родство съ геометріей; но у нея есть и существенныя особенности, которыхъ нельзя игнорировать при выясненіи ея метода. Этика не имѣетъ смысла безъ понятія цѣнности, о которомъ въ геометріи не можетъ быть и рѣчи. Нравственныя оцѣнки и нормы, по крайней мѣрѣ въ идеалѣ, должны быть признаны безусловно общеобязательными. Мы должны сообразовать съ ними свое поведеніе, хотя фактически и можемъ вовсе не принимать ихъ во вниманіе.

На чемъ же обосновываетъ этика общеобязательность своихъ предписаній? откуда черпаетъ она свой повелительный, императивный характеръ? Нравственность основывается въ концѣ-концовъ на вѣрѣ или увѣренности (по большей части недостаточно осознанной), что наша жизнь вплетена въ жизнь болѣе обширнаго цѣлаго, что эта послѣдняя имѣетъ разумный смыслъ, въ осуществленіи котораго мы можемъ и должны принимать посильное участіе. Отсюда проистекаетъ признаніе нѣкотораго высшаго объективнаго и абсолютнаго блага, нѣкотораго недостигнутаго и далеко еще непостигнутаго идеала, который лишь частично, несовершеннымъ образомъ проявляется въ наблюдаемой нами эмпирической дѣятельности и который предносится предъ нашимъ духовнымъ взоромъ при нравственной оцѣнкѣ поступковъ свободно-разумныхъ существъ.

Здѣсь я отмѣчаю не только *фактическое* положеніе дѣлъ, доступное психологическому наблюденію, но, что для цѣлей настоящаго изслѣдованія гораздо важнѣе, и *логически* нравственность немыслима безъ элементовъ *вѣры* въ нѣчто высшее, идеальное совершенно такъ же, какъ геометрія невозможна безъ нѣкоторыхъ аксіомъ, истинность которыхъ усматривается нами непосредственно.

Разумомъ эти элементы вѣры могутъ быть выдѣлены, для нихъ найдена болѣе или менѣе точная формулировка, необходимость

ихъ для нравственнаго поведенія можетъ быть понята; но они никоимъ образомъ не могутъ быть *созданы* усиліемъ разума [1]).

Мнѣ могутъ возразить: вѣра есть нѣчто субъективное: люди сплошь и рядомъ принимаютъ на вѣру то, что должно быть признано совершенно несостоятельнымъ; какъ на такомъ шаткомъ базисѣ можно обосновывать принципы морали? Но неправильное примѣненіе какой-либо способности вовсе не свидѣтельствуетъ о ея несостоятельности. Въ исторіи человѣческой мысли можно указать немало заблужденій, и все таки это не должно колебать нашего убѣжденія въ реальности объективной истины, къ постиженію которой стремится наука. Эмпирически проявляющаяся вѣра такъ же доступна заблужденіямъ, т.-е. можетъ переходить въ суевѣріе, какъ и эмпирически проявляющійся разумъ вовсе не застрахованъ отъ ошибокъ и часто переходитъ въ суемудріе; но мы допускаемъ вѣдь *идеальный разумъ* и повидимому нѣтъ серіозныхъ возраженій противъ допущенія *идеальной вѣры*.

Задача научной этики въ тѣсномъ значеніи слова и будетъ состоять въ томъ, чтобы выразить при посредствѣ точныхъ понятій наши сокровеннѣйшіе идеалы, въ осуществимость которыхъ мы *вѣримъ*, сдѣлать всѣ вытекающіе изъ нихъ выводы и ясно указать предпосылки, безъ признанія которыхъ эти идеалы лишены разумной основы, и затѣмъ, освободивъ ихъ отъ противорѣчій, создать законченную систему, которая по возможности удовлетворяла бы высшимъ запросамъ человѣческаго духа.

Пусть не возражаютъ намъ, что научная этика стремится установить строго *объективные* идеалы и принципы и потому не можетъ считаться съ субъективными пожеланіями человѣка, съ запросами его сердца. Какъ физически человѣкъ представляетъ часть единаго цѣлаго, въ которой это цѣлое неизбѣжно отра-

---

[1]) Правда раціоналисты во всѣ времена вѣрили въ возможность создать научное познаніе исключительно при помощи разума, но тѣмъ самымъ они приписывали разуму двѣ разнородныя функціи: 1) непосредственное усмотрѣніе основныхъ принциповъ и критеріевъ оцѣнки и 2) логическую переработку этихъ принциповъ и данныхъ полученныхъ изъ опыта (выводъ вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій, установленіе предпосылокъ, сопоставленіе ихъ между собою и т. п.). Въ цѣляхъ бо́льшей отчетливости мысли лучше разграничивать эти функціи и обозначать ихъ особыми терминами. Поэтому мы будемъ понимать подъ разумомъ исключительно логическую способность, которая вноситъ единство и гармонію въ наши мысли.

жается, такъ и духовно онъ не есть нѣчто совершенно оторванное. Разсматривать человѣка (индивидуальнаго или родового) какъ нѣчто совершенно обособленное отъ единаго всеобъемлющаго начала—есть абстракція, для нѣкоторыхъ односторонних разсужденій, быть можетъ, весьма удобная, но, какъ полное изображеніе истины, безусловно несостоятельная. Одно изъ двухъ: или духъ человѣческій никоимъ образомъ не въ состояніи отрѣшиться отъ своей обособленности, слѣдовательно, для него не только этика, но и вообще какая бы то ни была наука принципіально невозможна, слѣдовательно, онъ долженъ разъ навсегда и безповоротно отказаться отъ примѣненія нравственныхъ оцѣнокъ и вообще отъ произнесенія сужденій, претендующихъ на объективное значеніе,—или же онъ можетъ хоть изрѣдка, хоть въ самой слабой мѣрѣ подыматься надъ временнымъ и относительнымъ; но въ такомъ случаѣ необходимо допустить въ немъ самомъ и средства для осуществленія этой цѣли, и значитъ принципіально оставлять безъ вниманія глубочайшіе его запросы, какъ нѣчто только субъективное, будетъ извѣстнаго рода непослѣдовательстью.

Этика въ тѣсномъ смыслѣ при построеніи своей системы, по крайней мѣрѣ у насъ, людей, не можетъ обойтись безъ уясненія идеаловъ и критеріевъ оцѣнки, присущихъ нашему *человѣческому* сознанію, и слѣдовательно, ей приходится тѣмъ или инымъ путемъ считаться съ нашими эмпирическими переживаніями. Отсюда легко можетъ возникнуть мнѣніе, что эта дисциплина роковымъ образомъ впадаетъ въ объятія отвергнутаго нами эмпиризма.

Подобный выводъ нельзя признать убѣдительнымъ. Здѣсь упускается изъ виду основная особенность эмпиризма: эмпиризмъ, если освободить его отъ чуждыхъ элементовъ, устанавливаетъ свои обобщенія на основаніи наблюденныхъ фактовъ, которые должны быть истолкованы по возможности въ томъ видѣ, какъ они *существуютъ*, всякое привнесеніе *нормальныхъ* элементовъ здѣсь будетъ незаконнымъ переходомъ въ чуждую область, μετάβασις εἰς ἄλλο γένος.

Этика въ тѣсномъ смыслѣ, наоборотъ, стремится установить нѣкоторый объективный идеалъ, т.-е. нѣчто *нормативное;* психическія переживанія для нея интересны не какъ изображеніе существующаго, но какъ указаніе на то, что въ полной мѣрѣ

до сихъ поръ осуществлено не было, да быть можетъ никогда и не осуществится. Нравственный идеалъ отражается въ различныхъ эмпирическихъ сознаніяхъ далеко не одинаково; это неизбѣжно затрудняетъ научную разработку этики, но характеръ самого идеала отъ такого разнообразія эмпирическаго его проявленія нисколько не мѣняется. Вполнѣ мыслимъ случай, что нравственный идіотизмъ, т.-е. совершенная атрофія нравственныхъ стремленій, охватитъ подавляющія массы человѣчества; эмпирическая наука должна принять во вниманіе этотъ матеріалъ и на основѣ его строить свои обобщенія.

И все-таки, если нравственная оцѣнка не есть иллюзія, значеніе и содержаніе объективнаго идеала, о которомъ говоритъ этика въ тѣсномъ смыслѣ, не испытаетъ рѣшительно никакихъ превращеній. Нравственный идеалъ можетъ быть не познанъ (какъ долгое время оставались не познанными многія математическія истины), познаніе его можетъ быть утрачено или затемнено привнесеніемъ чуждыхъ элементовъ вслѣдствіе смѣщенія различныхъ научныхъ проблемъ,—но по существу онъ остается неизмѣннымъ и отнюдь не можетъ быть установленъ при помощи простого обобщенія вѣчно измѣняющихся фактовъ измѣняющейся дѣйствительности.

Едва ли возможно допустить человѣческое общежитіе безъ нѣкоторыхъ хотя бы самыхъ смутныхъ нравственныхъ идеаловъ и критеріевъ оцѣнки. Съ развитіемъ духовной жизни эти идеалы и критеріи оцѣнки получаютъ бо́льшую ясность и опредѣленность. Достигается это прежде всего путемъ безсознательной, какъ бы инстинктивной работы мысли въ нѣдрахъ художественнаго творчества; результаты такой работы мы имѣемъ, напр., въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и поэтическихъ созданіяхъ различныхъ народовъ. Наконецъ на высшихъ ступеняхъ культуры вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда появляется философское размышленіе надъ относящимися сюда вопросами, стремящееся привести нравственныя воззрѣнія въ болѣе или менѣе стройную систему, продумать ихъ до конца и найти для нихъ надлежащую формулировку.

Какого бы совершенства и законченности ни достигло ученіе о нравственныхъ идеалахъ и критеріяхъ оцѣнки, т.-е. по принятой нами терминологіи этика въ тѣсномъ смыслѣ,—научная мысль, стремящаяся уяснить всѣ стороны нравственной жизни,

Библиотека

не можетъ этимъ ограничиться; она влечетъ человѣка въ другія сферы, ставитъ предъ его сознаніемъ другія задачи, настойчиво требуя ихъ рѣшенія. Даже вполнѣ опредѣленно выраженные и приведенные въ самую стройную систему наши идеалы и критеріи оцѣнки утрачиваютъ всякое значеніе, если мы не знаемъ и не можемъ узнать, въ какой мѣрѣ они осуществляются въ тѣ или иныя времена, у тѣхъ или иныхъ народовъ; или, выражаясь проще, мы интересуемся фактами моральной жизни. Описательную науку, изучающую такіе факты, условимся называть *этографіей*. Факты, подлежащіе вѣдѣнію этой до сихъ поръ еще не выдѣлившейся науки, разсматриваются частью въ исторіи, изучающей на ряду съ прочимъ обычаи и нравы, существовавшіе въ различныя времена и у различныхъ народовъ, частью въ этнографіи, которая, описывая жизнь народовъ вообще, не можетъ оставить безъ вниманія и тѣхъ данныхъ, которыми характеризуется уровень ихъ нравственнаго развитія. Такъ какъ этографія интересуется единичнымъ и конкретнымъ, то, само собою разумѣется, съ точки зрѣнія классификаціи, предложенной Виндельбандомъ, она должна быть отнесена къ наукамъ идіографическимъ. Поэтому ее едва ли слѣдуетъ включать въ число философскихъ дисциплинъ, такъ какъ по установившимся взглядамъ философія стремится къ установленію общихъ принциповъ и общихъ точекъ зрѣнія; факты имѣютъ для нея лишь служебное, подчиненное значеніе. Мы остановились на выясненіи идеи этографіи исключительно ради большей опредѣленности въ разграниченіи этическихъ проблемъ.

Отдѣльные факты слишкомъ многочисленны и измѣнчивы. Уже отсюда вытекаетъ потребность выяснить, какъ вообще возникаютъ эти факты, какими условіями вызывается ихъ измѣненіе, т.-е. потребность установить неизмѣнные законы, которыми вездѣ и всегда регулируется [1]) моральная жизнь. Такъ накопляется рядъ обобщеній, которыя, будучи приведены въ систему, могли бы образовать особую дисциплину подъ названіемъ *этологіи*. Эта дисциплина, стремящаяся установить неизмѣнные законы нравственной жизни, т.-е. номотетическая по терминологіи Виндельбанда, хотя и намѣчалась много разъ съ большей или меньшей опредѣленностью, окончательно еще не осознана даже въ своей

1) Ср. выше прим. стр. 584.

идеѣ. Проблемы, подлежащія ея изученію, разсматриваются частью въ психологіи, которая не можетъ оставить безъ вниманія законовъ, управляющихъ нравственными переживаніями человѣка, частью въ соціологіи.

Совершенно ясно, что ни этографія, т.-е. ученіе о фактахъ моральной жизни, ни этологія, т.-е. ученіе о законахъ, которымъ подчиняются эти факты, не могутъ обойтись безъ *опытнаго* изученія реальной дѣйствительности; хотя, съ другой стороны, названныя дисциплины несомнѣнно нуждаются въ предварительномъ установленіи понятій и принциповъ или, по крайней мѣрѣ, въ непосредственномъ, интуитивномъ усмотрѣніи критеріевъ, съ помощью которыхъ онѣ выдѣляютъ и оцѣниваютъ явленія, подлежащія ихъ изслѣдованію.

Допустимъ, мы установили съ большей или меньшей опредѣленностью нравственные идеалы и критеріи оцѣнки, мы знаемъ до нѣкоторой степени законы, которыми регулируется моральная жизнь; но этого еще недостаточно. Мы стремимся воплотить наши идеалы въ окружающей насъ дѣйствительности. Отсюда возникаетъ необходимость создать правила, которыя, сообразуясь съ наличными условіями, регулировали бы нашу жизнь и содѣйствовали бы достиженію поставленной нами цѣли. Такимъ образомъ мы приходимъ къ идеѣ практической дисциплины, которую условимся называть *моральной технологіей* [1]).

Очевидно, моральная технологія, если она хочетъ *научно* рѣшать свои проблемы, должна пользоваться данными двухъ упомянутыхъ нами выше дисциплинъ—этики въ тѣсномъ значеніи слова и этологіи: первая указываетъ для нея идеалы, этологія, выясняя законы, которымъ подчиняется моральная жизнь, даетъ руководство при выборѣ наиболѣе подходящихъ средствъ, содѣйствующихъ осуществленію нашихъ идеаловъ. Въ конкретномъ же случаѣ для удачнаго примѣненія правилъ, созданныхъ мо-

[1]) Техника и технологія по обычному словоупотребленію касаются правилъ и пріемовъ, облегчающихъ господство человѣка надъ *внѣшней* природой. Поэтому примѣненіе термина технологія къ области *моральной* жизни представляется до нѣкоторой степени страннымъ, вызываетъ неподходящія ассоціаціи. Но съ такого рода неудобствами постоянно приходится считаться, когда мысль человѣческая одерживаетъ новыя побѣды, устанавливаетъ болѣе широкія, непривычныя обобщенія.

ральной технологіей, мы нуждаемся въ знаніи той среды, въ которой протекаетъ наша дѣятельность; слѣдовательно, значительную помощь можетъ оказать намъ научная дисциплина, изучающая фактическое соотношеніе моральныхъ и антиморальныхъ силъ въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ, т.-е. этографія.

Отъ *моральныхъ* правилъ, стремящихся содѣйствовать осуществленію моральныхъ цѣнностей, необходимо отличать правила *благоразумія*, указывающія наиболѣе легкій путь для достиженія желательной намъ цѣли, независимо отъ нравственной ея оцѣнки (такой желательной для всѣхъ цѣлью чаще всего, какъ извѣстно, признавалось благополучіе или счастье). Въ связи съ этимъ отъ моральной технологіи, устанавливающей моральныя правила, необходимо строго отличать, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, другую, также практическую, или техническую дисциплину, выясняющую пригодныя для насъ правила благоразумія. Условимся называть эту послѣднюю дисциплину *технологія благоразумія*.

Въ исторіи философской мысли проблемы указанныхъ только что двухъ дисциплинъ, столь несходныхъ по своей идеѣ [1]), смѣшивались до неразличимости, порождая бозконечные споры и взаимное не пониманіе. Ради большей наглядности укажемъ хотя бы на многовѣковой споръ между стоиками, стремившимися осуществить по преимуществу нравственныя цѣли, и эпикурейцами, имѣвшими въ виду только личное счастье и вовсе оставлявшими безъ вниманія вопросъ о моральной оцѣнкѣ, даже въ сущности устранявшими самую возможность этой послѣдней; вѣдь всѣ, по мнѣнію эпикурейцевъ, мудрые и глупые, люди и животныя стремятся къ одной и той же цѣли, именно къ счастью, и различаются только умѣніемъ достигать ея, т.-е. благоразуміемъ. Разумѣется, я указываю лишь основную тенденцію въ философскихъ воззрѣніяхъ стоиковъ и эпикурейцевъ. О строгомъ раз-

[1]) Лишь при допущеніи предустановленной и при томъ полной гармоніи между личными интересами и интересами моральнаго міропорядка, господствующей повсюду въ окружающей насъ эмпирической дѣйствительности, правила, создаваемыя моральной технологіей и технологіей благоразумія, могли совпадать между собою; но и при такомъ допущеніи (съ которымъ едва ли кто серьезно согласится), сами дисциплины все-таки останутся *различными* по своей идеѣ, такъ какъ онѣ имѣютъ въ виду различныя цѣли (первая—моральный міропорядокъ, вторая—удовлетвореніе личныхъ интересовъ), только достигаемыя однимъ и тѣмъ же путемъ.

личеніи проблемъ здѣсь не могло быть и рѣчи: оно намѣчается съ достаточной опредѣленностью лишь въ критическихъ сочиненіяхъ Канта.

Нѣтъ надобности въ особомъ разъясненіи того, что моральная технологія, равно какъ и технологія благоразумія, при выработкѣ своихъ правилъ не можетъ обойтись безъ изученія внутренней природы человѣка съ помощью эмпирическаго метода.

Итакъ, мы нашли необходимымъ различать въ области моральной жизни *4 объекта*, доступныхъ изученію. Въ связи съ этимъ мы установили *3 научныя дисциплины*, разрабатывающія *общія* проблемы этики: этику въ тѣсномъ смыслѣ, этологію и моральную технологію. Технологія благоразумія къ *нравственной* области прямого отношенія не имѣетъ, такъ какъ она указываетъ средства для достиженія цѣлей, независимо отъ *нравственной* ихъ оцѣнки. Что же касается этографіи, то она, какъ чисто описательная дисциплина, не входитъ въ законченную систему этики, поскольку послѣдняя имѣетъ дѣло съ установленіемъ лишь общихъ положеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы указали, что этика въ тѣсномъ смыслѣ, подобно математикѣ, должна быть признана строго *умозрительной* наукой, этологія же и моральная технологія не могутъ обойтись безъ *опытнаго* изученія реальной дѣйствительности.

Мнѣ могутъ указать, что нравственная жизнь есть нѣчто цѣльное, что, разграничивая различныя проблемы, я неизбѣжно раздробляю то, что въ дѣйствительности скрѣплено неразрывными узами, и такимъ образомъ самъ затрудняю возможность его постиженія. Но необходимо различать раздѣленіе реальное и раздѣленіе логическое, т.-е. при помощи мысли.

Вся дѣйствительность представляетъ нѣчто цѣльное; но въ цѣломъ она можетъ быть постигнута развѣ только художественной интуиціей. Наука не можетъ обойтись безъ предварительнаго анализа, безъ разложенія цѣлаго на составляющія его части, безъ выдѣленія отдѣльныхъ сторонъ. Въ жалкомъ состояніи была бы физика, если бы она отказалась изучать въ отдѣльности силу и матерію, теплоту, свѣтъ, магнетизмъ, электричество и т. п.; хотя совершенно ясно, что указанные факторы выдѣляются лишь въ абстракціи, что въ дѣйствительности они не могутъ имѣть обособленнаго существованія. То же самое

имѣетъ мѣсто и при разработкѣ наукъ, изучающихъ духовную природу. Кто хочетъ заниматься наукой, тотъ долженъ заранѣе привыкнуть къ мысли, что наука не есть художественное постиженіе истины, и что безъ абстракціи и логическаго разграниченія различныхъ проблемъ здѣсь нельзя ступить и шагу. Законченное постиженіе всѣхъ сторонъ дѣйствительности въ цѣломъ есть великое пріобрѣтеніе научнаго познанія; но подобный результатъ предполагаетъ предварительное выдѣленіе отдѣльныхъ факторовъ и тщательное всестороннее ихъ изученіе.

Если признать предложенное нами разграниченіе этическихъ проблемъ правильнымъ и принять его во вниманіе, то легко выяснить, откуда главнымъ образомъ проистекаетъ отмѣченное нами выше разногласіе между мыслителями, занимавшимися разработкой моральной философіи. Въ сочиненіяхъ подъ общимъ заглавіемъ этики выдвигаются на первый планъ различныя проблемы: однихъ интересуетъ выясненіе нравственныхъ идеаловъ и критеріевъ оцѣнки, другихъ—установленіе неизмѣнныхъ законовъ моральной жизни, наконецъ, третьи стремятся создать правила, при посредствѣ которыхъ могутъ быть до нѣкоторой степени воплощены въ жизни наши идеалы; и хотя не устраняются вполнѣ и другія проблемы, но *основная цѣль*, которую имѣетъ въ виду тотъ или иной ученый при своихъ изслѣдованіяхъ, опредѣляетъ и *методъ*, признаваемый имъ единственно правильнымъ. Для подтвержденія этого обратимся къ краткой характеристикѣ изложенныхъ нами выше взглядовъ Канта, Вундта и Паульсена.

Кантъ прежде всего хочетъ выяснить основной принципъ [1]), которымъ опредѣляется нравственная оцѣнка, и тѣ предпосылки, безъ которыхъ она лишена какого бы то ни было смысла, т.-е. онъ интересуется тѣмъ, что́ мы условились называть этикой въ тѣсномъ значеніи слова. Естественно, что для него единственное законное примѣненіе имѣетъ умозрительный методъ.

Вундтъ стремится выяснить неизмѣнные законы, которыми регулируется нравственная жизнь. Научная задача этики для него «состоитъ въ установленіи общихъ принциповъ, изъ которыхъ

[1]) Кантъ обыкновенно называетъ этотъ принципъ закономъ „Grundgesetz der reinen praktischen Vernunft“, но понимаетъ подъ этимъ терминомъ далеко не то, что понимается подъ закономъ въ естествознаніи. Кантъ говоритъ не объ устойчивыхъ связяхъ существующаго, но о томъ, что должно существовать, хотя бы никогда не осуществлялось.

вытекаютъ нравственные факты» [1]). Такимъ образомъ этика является для него по преимуществу этологіей, переходя мѣстами въ этографію [2]), и само собою разумѣется, не можетъ обойтись безъ эмпирическаго метода.

Паульсенъ также долженъ придавать важное значеніе эмпирическому методу: этика, по его мнѣнію, «принадлежитъ къ практическимъ дисциплинамъ: она указываетъ, какъ возможно устроить человѣческую жизнь сообразно съ ея цѣлью и назначеніемъ» [3]); т.-е. она является тѣмъ, что мы условились называть моральной технологіей.

Несомнѣнно, каждый изъ разбираемыхъ нами мыслителей затрогиваетъ и другія проблемы; но эти послѣднія играютъ лишь подчиненную роль и не оказываютъ вліянія на общія разсужденія о методѣ. Такъ, напр., Кантъ утверждаетъ, что человѣкъ не бываетъ настолько животнымъ, чтобы совершенно равнодушно относиться къ требованіямъ нравственнаго долга [4])—положеніе, которое очевидно выведено не умозрительнымъ методомъ, но можетъ быть подтверждено или опровергнуто лишь опытомъ. Далѣе, во второй части Критики практическаго разума, въ такъ называемомъ ученіи о методѣ, Кантъ между прочимъ обсуждаетъ вопросъ о лучшей постановкѣ нравственнаго воспитанія, говоритъ о томъ, какое сильное впечатлѣніе на душу юношества производятъ разсказы о поступкахъ, въ которыхъ ярко обнаруживается благородство и безкорыстіе человѣка, его готовность понести тяжелое страданіе ради исполненія нравственнаго долга. Здѣсь очевидно мы имѣемъ дѣло съ рѣшеніемъ проблемъ, которыя отнесены нами къ моральной технологіи, и научная разработка которыхъ предполагаетъ знаніе духовной природы воспитываемыхъ, т.-е. предполагаетъ опытное ея изученіе.

Въ сочиненіяхъ Вундта и Паульсена наблюдается еще въ большей степени смѣшеніе разнородныхъ проблемъ. Такъ, выставивъ требованіе, чтобы этика создавала практически полезныя правила, Паульсенъ цѣлую главу посвящаетъ выясненію сущности высшаго блага (т.-е. вопреки собственному требованію занимается этикой въ тѣсномъ смыслѣ), а въ главѣ объ оптимизмѣ и

[1]) *Wundt*. Ethik. B. I. p. 14.

[2]) Ср. въ особенности B. II, Zweiter Abschnitt.

[3]) *Paulsen*. System der Ethik, p. 1.

[4]) *Kant*. Kritik der praktischen Vernunft. p. 74.

пессимизмѣ пытается рѣшить, что̀ преобладаетъ въ дѣйствительной жизни—удовольствія или страданія (вопросъ, ближе всего подходящій къ этологіи, поскольку удовольствіямъ и страданіямъ можно придавать нравственную цѣнность). Вообще же критическій разборъ сочиненій Вундта и Паульсена завелъ бы насъ слишкомъ далеко и для цѣлей настоящей статьи особаго значенія не представляетъ.

Логическая и фактическая послѣдовательность въ рѣшеніи этическихъ проблемъ.

Если проблемы этики въ тѣсномъ смыслѣ, этологіи и моральной технологіи будутъ разрѣшены или, по крайней мѣрѣ, точно формулированы и всесторонне продуманы, моральная философія, или этика въ широкомъ значеніи слова, получитъ въ основныхъ своихъ чертахъ законченную систему. И хотя эта цѣль далеко еще не осуществлена, и мы имѣемъ дѣло лишь съ *идеей* научной этики, а не съ осуществленіемъ этой идеи,—все-таки не лишнимъ будетъ задать себѣ вопросъ: въ какомъ соотношеніи находятся указанныя дисциплины или, другими словами, въ какой послѣдовательности должны быть разрѣшены намѣченныя ими проблемы.

Здѣсь умѣстно воспользоваться чрезвычайно удачнымъ указаніемъ Аристотеля, который, какъ извѣстно, различаетъ πρότερον τῇ φύσει, κατὰ τὸν λόγον (первое по природѣ или для разума, т.-е. предшествующее логически) и πρότερον πρὸς ἡμᾶς, κατὰ τὴν αἴσθησιν (первое для насъ или для чувства, т.-е. предшествующее эмпирически) [1]. Съ *логической* точки зрѣнія, т.-е. если разсматривать этику въ широкомъ смыслѣ какъ законченную систему, прежде всего необходимо дать точную формулировку нравственныхъ идеаловъ и критеріевъ оцѣнки со всѣми предпосылками и вытекающими отсюда выводами, т.-е. разработать, если придерживаться нашей терминологіи, этику въ тѣсномъ смыслѣ. Лишь имѣя точно формулированные идеалы и критеріи оцѣнки, можно строго методически (а не однимъ только чутьемъ, хотя бы и совершенно правильнымъ, но недостаточно обоснован-

---

[1]) Aristoteles, Analyt. post. I. 2 p. 71. b. 33. Cf. Metaph. V. 11 p. 1018 b. 32.

нымъ [1]) выдѣлить изъ всего разнообразія вѣчно измѣняющейся жизни факты, относящіеся къ этикѣ, и установить законы, которымъ вездѣ и всегда подчиняется моральная жизнь, т.-е. разрѣшить основную задачу этологіи. Наконецъ, уже имѣя вполнѣ опредѣленные идеалы и критеріи оцѣнки, и зная въ точности законы, которыми регулируется [2]) нравственная жизнь, можно перейти, если мы хотимъ дѣйствовать строго методически, къ созданію правилъ нравственнаго поведенія, т.-е. къ разработкѣ моральной технологіи.

Таково логическое соотношеніе намѣченныхъ нами дисциплинъ; но порядокъ развитія этическихъ проблемъ въ исторіи человѣческой мысли былъ почти обратнымъ. Прежде всего подъ воздѣйствіемъ потребностей жизни дѣлаются попытки создать практически пригодныя правила поведенія; и лишь затѣмъ наталкиваются на необходимость установить законы, которыми регулируется нравственная жизнь, а также уяснить нравственные идеалы и критеріи оцѣнки.

Еще задолго до появленія философіи, какъ обособленнаго вида духовнаго творчества, создаются наставленія, въ которыхъ получаетъ выраженіе благоразуміе человѣка и его стремленіе приблизиться къ осуществленію нравственныхъ идеаловъ [3]). Впрочемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и другія науки въ своемъ зародышѣ выдѣлились изъ технологіи. Такъ, основой для геометріи послужили правила землемѣрія, основой для астрономіи—правила для лѣтоисчисленія и опредѣленія частей года и т. п. Но въ то время, какъ науки съ болѣе простымъ содержаніемъ сравнительно рано сбросили съ себя стѣснявшую ихъ техническую оболочку—что, несомнѣнно, въ сильной степени облегчило ихъ развитіе и даже съ чисто утилитарной точки зрѣнія должно быть признано чрезвычайно важнымъ—зависимость этики отъ моральной технологіи до сихъ поръ обнаруживается въ рѣзкихъ чертахъ.

Для Паульсена, какъ мы видѣли, этика только практическая, т.-е. прикладная наука; чисто теоретическое изслѣдованіе во-

---

[1]) Разумомъ λόγος, а не только правильнымъ или истиннымъ мнѣніемъ, ὀρθῇ, ἀληθεῖ δόξᾳ по терминологіи Платона; cf. Plato, Meno, 97—98.

[2]) См. выше примѣч. стр. 584.

[3]) Ср. хотя бы дидактическую поэму Гезіода Ἔργα καὶ Ἡμέραι, основное ядро которой создано, несомнѣнно, раньше времени Ѳалеса.

просовъ здѣсь, очевидно, должно быть признано непозволительной роскошью. При обсужденіи всякаго этическаго вопроса необходимо имѣть въ виду: какое же практически полезное правило отсюда можетъ быть выведено? [1]) Паульсенъ какъ бы забываетъ, что и положенія геометріи получаютъ разнообразное техническое приложеніе; но это вовсе не исключаетъ, а скорѣе усиливаетъ ихъ теоретическую разработку. Какъ извѣстно, Сократъ признавалъ за геометріей лишь прикладное значеніе; но къ счастью Платонъ и великіе геометры древности не раздѣляли его взглядовъ по этому вопросу.

Даже у Канта, который главнымъ образомъ интересуется установленіемъ принциповъ нравственной оцѣнки и выясненіемъ условій ея возможности, т.-е. чисто теоретическими вопросами, зависимость отъ традиціонныхъ взглядовъ рѣзко сказывается прежде всего въ противопоставленіи этики, какъ *практической* дисциплины, другимъ теоретическимъ дисциплинамъ, а также въ стремленіи формулировать устанавливаемые имъ *принципы* въ видѣ *правилъ*, какъ бы предназначенныхъ для непосредственнаго примѣненія ихъ на практикѣ.

Кантъ не говоритъ: нормальной или нравственно хорошей волей можетъ быть признана воля, не запутывающаяся во внутреннихъ противорѣчіяхъ; но даетъ извѣстную формулу: «поступай такъ, чтобы максима твоей воли могла вмѣстѣ съ тѣмъ во всякое время имѣть значеніе въ качествѣ принципа всеобщаго законодательства».

Безпристрастное изученіе современныхъ сочиненій по этикѣ неизбѣжно приводитъ къ заключенію, что эта дисциплина, еще болѣе 2000 лѣтъ назадъ мечтавшая господствовать надъ жизнью и надъ другими науками, указывать предѣлы ихъ разработки и ихъ изученія [2]), сама по настоящее время едва ли вышла изъ той первоначальной стадіи развитія, на которой находилась геометрія, когда вполнѣ соотвѣтствовала своему названію, т.-е. была просто землемѣріемъ. Это ясно подтверждается постояннымъ смѣшеніемъ совершенно разнородныхъ проблемъ, о чемъ мы говорили выше, и отъ чего главнымъ образомъ зависитъ

---

[1]) Мы видѣли, какой широкій откликъ въ философски образованномъ обществѣ встрѣчаютъ взгляды Паульсена. См. выше стр. 581, примѣчаніе 4.

[2]) *Aristot.* Ethica Nicomachea, p. 1094 a 14.

подмѣна однихъ вопросовъ другими, столь часто наблюдаемая даже у наиболѣе выдающихся ученыхъ 19 вѣка, посвятившихъ обширныя работы изслѣдованіямъ этической области. Чаще всего можно встрѣтить подмѣну вопроса о *сущности* извѣстныхъ понятій и принциповъ вопросомъ объ ихъ *происхожденіи* или о степени ихъ распространенности въ эмпирической дѣйствительности. Стоитъ представить себѣ нѣчто подобное въ геометріи, и различіе между развитой наукой и ея зародышемъ выступитъ съ полной ясностью. Вопросъ о происхожденіи аксіомъ или о выработкѣ математическихъ понятій и принциповъ у дѣтей тоже подвергается серьезному обсужденію, однако ни у эмпириковъ, ни у раціоналистовъ, несмотря на все различіе ихъ взглядовъ, относящіяся сюда рѣшенія не оказываютъ никакого вліянія на построеніе самой геометрической системы.

Условія научнаго творчества въ связи съ вопросами методологіи этики.

Мы видѣли, какое *логическое* соотношеніе существуетъ между основными проблемами этики, и въ какой послѣдовательности онѣ *фактически* выдвигались передъ человѣческимъ сознаніемъ. Этимъ я вовсе не утверждаю, что мысль человѣческая въ разработкѣ этическихъ проблемъ избрала по существу неправильный путь, и что здѣсь всегда слѣдуетъ держаться строго логическаго порядка. Логически стройная система есть идеалъ, къ которому должно стремиться, но который сразу не можетъ быть достигнутъ. Даже наиболѣе элементарная наука однимъ порывомъ творчества не создается какъ нѣчто законченное; и потому не слѣдуетъ пренебрегать промежуточными звеньями, которыя могли бы помочь приблизиться къ конечной цѣли. Нельзя безъ ущерба для дѣла оставлять безъ вниманія возникающія проблемы на томъ только основаніи, что съ точки зрѣнія законченной системы онѣ возникаютъ несвоевременно. Въ связи съ *искусствомъ* землемѣрія было установлено много обобщеній, которыя сдѣлали возможнымъ созданіе *научной* геометріи. Допустимъ, что принято твердое рѣшеніе оставить безъ разсмотрѣнія вопросы этологіи и моральной технологіи до тѣхъ поръ, пока не получитъ окончательной разработки этика въ тѣсномъ смыслѣ (въ пользу такого плана можно привести серьезныя соображенія, что для строго научнаго познанія моральныхъ законовъ и для точной

формулировки нравственныхъ правилъ необходимо уже обладать вполнѣ отчетливыми и всесторонне развитыми понятіями нравственныхъ идеаловъ и критеріевъ оцѣнки);—можно съ увѣренностью утверждать, что подобное рѣшеніе будетъ имѣть неблагопріятные результаты: кругъ научнаго творчества неизбѣжно сократится. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что работа въ области этики въ тѣсномъ смыслѣ по существу носитъ слишкомъ отвлеченный характеръ и, утративъ болѣе непосредственное соприкосновеніе съ окружающей насъ дѣйствительностью, легко можетъ выродиться въ безплодную схоластику и запутаться въ ни къ чему ненужныхъ опредѣленіяхъ и различеніяхъ. Здѣсь неизбѣжно должно повториться то же самое, что происходило въ исторіи логики въ тѣ періоды, когда разработка и изученіе этой науки замыкались въ свои собственныя границы и отрывались отъ общенія съ различными областями научнаго творчества.

Нѣтъ основанія возлагать большія надежды на научное творчество, лишенное *сознательнаго* руководства: подобное творчество, проявляемое отдѣльными индивидуумами, неизбѣжно носитъ отрывочный, несистематическій характеръ. Необходимо сопоставить свою собственную работу съ предшествующей, строго разграничить проблемы, подлежащія нашему рѣшенію, уяснить себѣ путь, по которому мы идемъ, осознать методъ, которымъ мы пользуемся. Но при всемъ томъ слѣдуетъ твердо помнить, что нельзя заранѣе создать плана для будущихъ научныхъ открытій, для познанія того, чего мы еще не знаемъ. Научное творчество, какъ и всякое творчество, есть плодъ особой одаренности; его можно и даже должно приводить въ связь съ достигнутыми уже результатами, но оно никогда не происходило по изготовляемымъ рецептамъ [1]). Можно, пожалуй, облегчить проявленіе творческихъ силъ, устраняя, напр., путемъ критики укоренившіеся предразсудки, или заимствуя идейныя сокровища предшествующей культуры. Но это лишь вспомогательная работа, которая тоже должна озаряться свѣтомъ творческой мысли, совершаться подъ непосредственнымъ ея руководствомъ. Иначе

[1]) Грандіозную попытку создать строго опредѣленныя правила для послѣдующихъ открытій представляетъ ars inveniendi Бэкона, которой онъ хотѣлъ замѣнить безплодную логику Аристотеля.

можно достигнуть результата, прямо противоположнаго желаемому: критика вмѣстѣ съ плевелами легко уничтожаетъ и то, что при благопріятныхъ условіяхъ могло бы дать обильные плоды; накопленіе матеріала въ большомъ изобиліи безъ должнаго выбора способно превратить этотъ матеріалъ въ груду мусора, среди котораго бываетъ трудно разыскать цѣнныя жемчужины. Противъ увлеченія количественной стороной познанія предостерегалъ еще старый Гераклитъ своимъ извѣстнымъ афоризмомъ: πολυμαθία νόον οὐ διδάσκει—многознаніе ума не научаетъ. Съ развитіемъ письменности и въ особенности съ возникновеніемъ книгопечатанія въ сильной степени возрастаетъ опасность мнимой мудрости (индивидуальной и корпоративной), которая, гордясь изобиліемъ книжной учености, утрачиваетъ самый интересъ къ дѣйствительному познанію [1]). При такихъ условіяхъ психологически понятенъ много разъ повторявшійся великими вождями человѣчества призывъ (далеко не свободный, впрочемъ, отъ извѣстной односторонности) отбросить всю прежнюю мудрость и начинать научную работу сызнова.

Предшествующее изслѣдованіе, надѣемся, съ достаточной ясностью показало, насколько этика при современномъ ея состояніи можетъ быть признана научной дисциплиной. Теперь мы можемъ дать опредѣленный отвѣтъ на высказываемыя издавна пожеланія, чтобы этикѣ въ качествѣ учебнаго предмета отдавалось предпочтеніе передъ такими предметами, какъ математика, грамматика и т. п. Едва ли кто станетъ отрицать, что нравственное воспитаніе есть задача, удачное разрѣшеніе которой устранило бы много личныхъ и общественныхъ недуговъ, но одно усвоеніе нравственныхъ правилъ (хотя бы и твердое) при этомъ имѣетъ слишкомъ мало значенія. Здѣсь прежде всего оказываютъ вліяніе общественная среда и семейная обстановка, въ которыхъ протекаетъ жизнь воспитываемыхъ, личный примѣръ, педагогическій тактъ и преданность дѣлу ближайшихъ руководителей и т. п. Но всѣ эти условія, очевидно, не могутъ быть созданы одними теоретическими разсужденіями.

---

[1]) Платонъ относится скорѣе отрицательно къ самой пользѣ письма. См. *Platon*, Phaedr. p. 274 sq.

Можно согласиться съ Кантомъ, что подобранныя надлежащимъ образомъ «извлеченія изъ біографій стараго и новаго времени» могутъ произвести сильное впечатлѣніе на воспріимчивую душу юноши, вызывая у него «высокую оцѣнку однихъ поступковъ и отвращеніе отъ другихъ» [1]). Но при выборѣ такихъ примѣровъ руководящая роль принадлежитъ непосредственному чутью, а не выводамъ научной этики; мало того, успѣхъ воздѣйствія главнымъ образомъ зависитъ отъ довѣрія учащихся къ своему руководителю, т.-е. опять-таки отъ элементовъ личнаго характера, которые при научномъ трактованіи вопроса (напр., въ геометріи) отступаютъ на задній планъ.

Изученіе же въ средней и въ особенности въ низшей школѣ положеній, не получившихъ еще всеобщаго признанія и точной формулировки въ научной этикѣ, не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ ни съ воспитательной, ни съ образовательной точки зрѣнія и неизбѣжно выродится въ тенденціозное подчеркиваніе одностороннихъ интересовъ. Гораздо важнѣе, чѣмъ вводить этику въ кругъ предметовъ преподаванія, обратить вниманіе на необходимость ея научной разработки и привлечь къ этому дѣлу творческія силы. Обязанность тѣхъ, кто уже ясно сознаетъ важность такой работы, культивировать эту мысль среди другихъ, возможно чаще указывая, что до сихъ поръ дѣлались лишь подготовительныя работы къ созданію научной этики, что этимъ цѣннымъ достояніемъ мы еще не обладаемъ и что научная этика должна быть создана нашими усиліями и усиліями послѣдующихъ поколѣній, если мы думаемъ, что не только въ мелочахъ, но и въ основныхъ вопросахъ жизни и дѣятельности по крайней мѣрѣ люди образованные должны стремиться къ большей сознательности.

Стремясь посильно содѣйствовать научной разработкѣ этики, мы остановились въ настоящей статьѣ на выясненіи методовъ, которыми должна пользоваться эта дисциплина, при чемъ неизбѣжно пришлось выдвинуть логически связанный съ этимъ вопросъ объ объектахъ этическаго изслѣдованія; а во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній и ради большей наглядности пришлось коснуться фактической послѣдовательности въ развитіи основныхъ этическихъ проблемъ и условій научнаго

---

[1]) *Kant.* Kritik der prakt. Vern. 184—185.

творчества, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ методологіи этики.

Несмотря на весь свой самостоятельный интересъ, въ цѣломъ наука методологія имѣетъ служебное, подчиненное значеніе. Въ концѣ концовъ тѣми или иными путями намъ важно установить и точно формулировать нравственные идеалы и критеріи оцѣнки, законы, которыми регулируется моральная жизнь, и нравственныя правила поведенія, или, по крайней мѣрѣ, строго отдѣлить то, что можетъ быть познано, отъ того, что точной научной формулировкѣ не поддается.

Какъ бы то ни было, надлежащее уясненіе затронутыхъ нами вопросовъ о методѣ представляется безусловно необходимымъ, въ особенности въ виду существующаго по этимъ вопросамъ коренного разногласія. Только будучи увѣрены въ правильности избраннаго нами пути, мы можемъ твердыми шагами и безъ колебаній, съ надеждой на успѣхъ идти къ намѣченной нами цѣли.

А. Щербина.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ